

А Д В О К А Т С К А Я   П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 029

29 февраля 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката В., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Б. от 04 октября 2023 года (вх. № ... от 07.11.2023) в отношении адвоката В. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 13 декабря 2023 года вынесла заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 1, 2 п. 1 ст. 9, ч. 1 ст. 12 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; предмет поручения является существенным условием соглашения об оказании юридической помощи; адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать (защищать) права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне; адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного; участвуя в судопроизводстве адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской

палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 2, 3, 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, протокол № 8) и п. 2.1, 2.5, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), адвокат В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившемся в том, что, действуя умышленно, вопреки воле и законным интересам указанного доверителя, адвокат В., предъявив 24 августа 2023 года следователю по особо важным делам второго следственного отдела управления по расследованию особо важных дел ГСУ СК России К., осуществляющему производство по уголовному делу № ... в отношении Б. и иных лиц, ордер СА № ... от 24 августа 2023 года, выданный Московской городской коллегией адвокатов «Б.», содержащий заведомо недостоверную для адвоката В. информацию о принятии им поручения на осуществление защиты Б. «на стадии предварительного следствия» в ГСУ СК России с 23 августа 2023 года, вступил в уголовное дело № ... в отношении Б. и иных лиц, находящееся в производстве следователя по особо важным делам второго следственного отдела управления по расследованию особо важных дел ГСУ СК России К., в качестве защитника Б. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту Б., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ);

2) о нарушении адвокатом В. положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами), выразившемся в навязывании адвокатом В. своей юридической помощи Б. путем демонстрации наличия у адвоката В. личных связей со следователем через предъявление Б. 01 сентября 2023 года в ФКУ СИЗО-УФСИН России по городу Москве полученного адвокатом В. в отсутствие правовых оснований письма следователя по особо важным делам второго следственного отдела управления по расследованию особо важных дел ГСУ СК России К. в адрес Начальника ФКУ СИЗО-УФСИН России по городу Москве Ке. от 23 августа 2023 года № ... о разрешении Ба. свидания со следственно-арестованным Б., содержащимся в ФКУ СИЗО-УФСИН России по городу Москве.

Заявитель Б. на момент рассмотрения Советом настоящего дисциплинарного производства находится под стражей в ФКУ СИЗО-г. Москвы (вх. № ... от 26.12.2023), подал письменное заявление о том, что его интересы в дисциплинарном производстве будет представлять адвокат

Ко. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение № ...). Согласно служебной записке старшего консультанта Отдела организационного обеспечения дисциплинарных производств Адвокатской палаты города Москвы, адвокат Ко. в телефонном разговоре сообщил, что участвовать в заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 февраля 2024 года не будет.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителя Б. и его представителя адвоката Ко., поскольку заявитель своевременно получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, адвокат Ко. не подтвердил полномочия представителя заявителя и отказался участвовать в заседании Совета, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Адвокат В. в заседании Совета подтвердил, что получил заключение Квалификационной комиссии, с выводами Комиссии согласился частично, поддержал свои письменные возражения от 28 февраля 2024 года (вх. № ... от 28.02.2024). Признав, что у него отсутствовали основания для вступления в уголовное дело в качестве защитника Б., отрицал навязывание своей помощи и его привлечение путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов. Полагал, что все его действия были продиктованы гуманитарными соображениями и не имели своей целью нарушение прав Б.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившегося участника, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 22 ноября 2021 года руководителем ГСУ СК России в отношении Р., С., Л., П., Б., Б.С. и иных неустановленных лиц было возбуждено уголовное дело по признакам восьми преступлений, предусмотренных ч. 8 ст. 204 УК РФ. 23 ноября 2021 года Б. был задержан в порядке, установленном ст. 91, 92 УПК РФ.

24 ноября 2021 года Б. районным судом города Москвы в отношении подозреваемого Б. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 01 месяц 30 суток, то есть до 22 января 2022 года. Впоследствии срок содержания Б. под стражей неоднократно продлевался.

01 декабря 2021 года Б. предъявлено обвинение в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 8 ст. 204 УК РФ, которое впоследствии неоднократно изменялось и дополнялось.

Кроме того, 24 ноября 2021 года Б. районным судом города Москвы в отношении подозреваемого по тому же делу П. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 1 месяц 30 суток, то есть до 22 января 2022 года. Впоследствии срок содержания П. под стражей неоднократно продлевался.

Из постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об установлении срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела от 08 сентября 2023 года следует, что защиту обвиняемого Б., по крайней мере с 20 апреля 2023 года, осуществляет защитник по соглашению – адвокат Ко., а защиту обвиняемого П., по крайней мере с 21 апреля 2023 года, осуществляют защитники по соглашению – адвокаты Ф. и А.

17 августа 2023 года Московский городской суд приступил к рассмотрению постановлений следователя о возбуждении перед судом ходатайств о продлении срока содержания Б.С., Б., Л., П., Р. и С. под стражей, однако в связи с неявкой в судебное заседание следователя и прокурора, а также недоставкой обвиняемых судебное заседание было отложено на 12.00 час. 21 августа 2023 года.

20 августа 2023 года в 10.20 час. в Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ) от следователя К. поступило требование об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, для осуществления защиты П. в судебном заседании Московского городского суда в 12.00 час. 21 августа 2023 года. В тот же день в 15.03 час. указанное поручение принял адвокат В.

21 августа 2023 года адвокат В. прибыл в судебное заседание Московского городского суда и вступил в обособленное судебное производство в качестве защитника П., представив ордер на осуществление защиты П. в Московском городском суде с 21 августа 2023 года. Из протокола судебного заседания следует, что 21 августа 2023 года обвиняемый П. заявил отказ от защитника В., поскольку в судебном заседании участвовала адвокат Ф., с которой у него заключено соглашение. Председательствующий судья удовлетворил это заявление П. освободил адвоката В. от участия в судебном заседании. В том же судебном заседании участвовал защитник Б. по соглашению – адвокат Ко.

В дальнейшем между адвокатом В. и М. было заключено Соглашение об оказании правовой помощи, датированное 22 августа 2023 года (далее – Соглашение от 22 августа 2023 года), которое было зарегистрировано в документации адвокатского образования – Московской городской коллегии адвокатов «Б.». В качестве предмета поручения данное соглашение предусматривало «разовое посещение Б. в ФКУ СИЗО- УФСИН России по городу Москве» (п. 2.3). Согласно п. 4.2 Соглашения, «гонорар адвоката, являющийся вознаграждением за оказание правовой помощи, устанавливается в размере 15 000 рублей». В соответствии с п. 4.3 Соглашения, «предоплата в размере 15 000 рублей перечисляется на счет адвокатского образования, либо вносится в кассу адвокатского образования не позднее 30.08.2023».

23 августа 2023 года адвокат В. посетил Б. в ФКУ СИЗО- УФСИН России по городу Москве, однако согласие последнего в какой-либо форме на осуществление его защиты адвокатом В. не было получено.

23 августа 2023 года следователь К. разрешил Ба. свидание с Б., о чем составил письменное уведомление начальнику ФКУ СИЗО- УФСИН России по городу Москве Ке. Подлинник этого уведомления затем был выдан следователем адвокату В.

24 августа 2023 года адвокат В. явился к следователю К., представив ордер серии СА № ... от 24 августа 2023 года, в котором в качестве сущности поручения было указано осуществление адвокатом В. защиты Б. «на стадии предварительного следствия в ГСУ СК России» с 23 августа 2023 года.

01 сентября 2023 года следователь К. письменно уведомил адвоката В. о приобщении к материалам уголовного дела представленного им ордера, а также разъяснил ему, что он будет «допущен» в качестве защитника по уголовному делу только после получения волеизъявления на это от обвиняемого Б. В тот же день следователь К. письмом начальнику ФКУ СИЗО- УФСИН России по городу Москве Ке., предназначенным для объявления следственно-арестованному Б., уведомил последнего о представлении адвокатом В. ордера на осуществление защиты Б. и о необходимости дачи согласия на вступление адвоката В. в качестве защитника в уголовное дело либо письменного отказа от его «услуг».

11 сентября 2023 года адвокат В. вручил следователю К. письменное уведомление от 08 сентября 2023 года, в котором сообщил о том, что им «осуществлялась защита Б. по соглашению об оказании юридической помощи от 22.08.2023», а также о том, что указанное соглашение «в настоящее время» расторгнуто, в связи с чем он не вправе совершать какие-либо юридически значимые действия в интересах Б., в том числе принимать участие в производстве следственных и процессуальных действий.

08 сентября 2023 года следователем К. вынесено постановление о возбуждении перед судом ходатайства об установлении срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, в обоснование которого, в частности, указано: «...в ходе расследования уголовного дела от адвоката Московской городской коллегии адвокатов «Б.» В. [Такая фамилия указана в постановлении – Примечание Совета] поступил ордер от 24 августа 2023 года № ... в защиту прав и законных интересов обвиняемого Б., в связи с чем последнему направлено уведомление о получении согласия на представление его законных интересов В., которое к настоящему времени в орган, осуществляющий в отношении обвиняемого Б. уголовное преследование, не поступило <...>. Данные обстоятельства свидетельствуют о специально запланированном стороной защиты плане, направленном на затягивание выполнения ими требований 217 УПК РФ путем вступления защитников В. и С. в уголовное дело на стадии ознакомления с материалами уголовного дела».

20 сентября 2023 года постановлением Б. районного суда города Москвы ходатайство следователя К. об установлении срока для ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела удовлетворено. В указанном постановлении суд пришел к выводу о том, что «время ограничения ознакомления с материалами уголовного дела

обвиняемых С., Б., Л., Б., П. и их защитников – адвокатов М., С., З., Ко., С., Ш., Ф., А., В. [Такая фамилия указана в постановлении – Примечание Совета] и С. до 12 октября 2023 года включительно является достаточным и объективно обоснованным».

04 октября 2023 года Б. обратился в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой на действия адвоката В., которая поступила в Адвокатскую палату города Москвы 07 ноября 2023 года.

18 ноября 2023 года на счет банковской карты адвоката В. от плательщика «Н.» поступил перевод в размере 25 000 рублей. 06 декабря 2023 года адвокат В. перечислил денежные средства в том же размере на расчетный счет Московской городской коллегии адвокатов «Б.» с назначением платежа: «оплата по соглашению ...» (платежное поручение № ... от 06 декабря 2023 года).

Рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката В. в уголовное дело в качестве защитника Б. в отсутствие установленных законом оснований, а также вопреки воле и законным интересам Б., Совет отмечает следующее.

По мнению адвоката В., заключенное им Соглашение от 22 августа 2023 года содержало поручение на оказание юридической помощи Б. и было заключено в его интересах. Однако, хотя в п. 2.1 и 2.2 Соглашения от 22 августа 2023 года, заключенного между адвокатом В. и М., утверждается об оказании доверителю Б. «правовой помощи», из содержания п. 2.3 этого же Соглашения недвусмысленно следует, что под указанной «правовой помощью» сторонами понимается «разовое посещение Б. в ФКУ СИЗО-УФСИН России по городу Москве».

В связи с этим Совет отмечает явную неконкретность и недопустимость данного предмета поручения, поскольку указание на разовое посещение Б. в СИЗО не свидетельствует об оказании ему какого-либо вида юридической помощи, предусмотренного ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Из объяснений адвоката В. следует, что фактически посещение Б. в СИЗО планировалось им по просьбе обратившейся к нему М. «с целью выяснения дальнейших перспектив в расследовании уголовного дела и полноты оказываемой ему юридической помощи». Из этого следует, что уже на данном этапе для адвоката В., при условии разумного и осмотрительного профессионального поведения, должна была быть очевидна недопустимость принятия подобного поручения, поскольку декларируемой целью разового посещения Б. являлось не оказание юридической помощи, а сбор информации по просьбе третьего лица – М. Таким образом, Соглашение от 22 августа 2023 года по своему существу имело лишь отдельные внешние признаки соглашения об оказании юридической помощи, но не являлось таковым по своему существу, поскольку предусматривало предмет поручения, не относящийся к юридической помощи, оказываемой адвокатами, а также было порочным по критерию объема поручения (разовое посещение Б. СИЗО).

Совет также отмечает, что Соглашение от 22 августа 2023 года предусматривает оказание правовой помощи именно Б. Однако это утверждение не соответствует действительности как противоречащее указанным выше нормам Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и установленным фактическим обстоятельствам, поскольку доказательств законной мотивации и интереса М. в заключении соглашения об оказании юридической помощи Б. не представлено. Несмотря на это адвокат В. заключил с М. Соглашение от 22 августа 2023 года, в котором, помимо прочих пороков и вопреки Разъяснениям № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», даже не указал контактные данные М. (номер телефона, адрес электронной почты и др.).

Наконец, по смыслу вышеприведенных Разъяснений, соглашение об оказании юридической помощи, заключенное в пользу третьего лица, обретает процессуальное значение основания для оказания юридической помощи лишь с момента получения согласия подзащитного на осуществление его защиты адвокатом, заключившим такое соглашение. Однако такое согласие Б. адвокатом В. получено не было несмотря на предпринятые попытки его получения, а следовательно, у адвоката В. отсутствовали правовые основания для вступления в уголовное дело в качестве защитника Б.

Таким образом, Соглашение от 22 августа 2023 года заведомо для адвоката В. не порождало каких-либо правоотношений по оказанию юридической помощи Б. и было заключено лишь для обеспечения формальной возможности получения и представления ордера. На это, помимо описанных выше обстоятельств, указывает и неполучение адвокатом В. предусмотренного названным Соглашением авансового вознаграждения в сумме 15 000 рублей. Согласно п. 9.1 Соглашения от 22 августа 2023 года, адвокат приступает к исполнению поручения после внесения вышеуказанного авансового вознаграждения, и Соглашение считается расторгнутым в одностороннем порядке по инициативе доверителя в случае невнесения предоплаты, которое расценивается как «отказ от оказания юридической помощи доверителю» «по причине отсутствия правовых оснований для оказания такой помощи». При этом платеж на сумму 25 000 рублей адвокат В. получил от М. лишь 18 ноября 2023 года, то есть уже после поступления в Адвокатскую палату города Москвы 07 ноября 2023 года жалобы на него заявителя Б. от 04 октября 2023 года, а на расчетный счет Московской городской коллегии адвокатов «Б.» указанные денежные средства были перечислены адвокатом В. лишь 06 декабря 2023 года, то есть после направления в указанное адвокатское образование запроса Адвокатской палаты города Москвы от 04 декабря 2023 года о представлении, в числе прочего, информации о внесении вознаграждения по

Соглашению от 22 августа 2023 года в кассу или на расчетный счет адвокатского образования. Указанные обстоятельства, а также несоответствие суммы денежных средств, перечисленных М. адвокату В. (25 000 рублей), размеру вознаграждения, предусмотренному Соглашением от 22 августа 2023 года (15 000 рублей), свидетельствуют о том, что произведенный М. платеж направлен на создание видимости наличия правового основания оказания юридической помощи Б. при его фактическом отсутствии.

Несмотря на совокупность вышеперечисленных пороков как содержания Соглашения от 22 августа 2023 года, так и порядка его заключения, адвокат В. 24 августа 2023 года представил следователю ордер защитника Б.

Таким образом, адвокат В. указал в представленном им следователю ордере заведомо недостоверную информацию о принятии поручения на осуществление защиты Б. при фактическом отсутствии для этого правовых оснований.

Довод адвоката В. о том, что он представил следователю вышеуказанный ордер из альтруистических побуждений, действуя исключительно в интересах указанного доверителя, Советом отклоняется как несостоятельный и не соответствующий установленным обстоятельствам. При этом, вопреки объяснениям адвоката В., его действия по приданию видимости законности своим действиям не исчерпывались лишь представлением следователю ордера, содержащего заведомо недостоверную информацию. Так, 11 сентября 2023 года он обратился к следователю К. с письменным уведомлением от 08 сентября 2023 года, в котором указал, что им осуществлялась защита Б. по соглашению об оказании юридической помощи от 22 августа 2023 года, которое в настоящее время расторгнуто. Таким образом, адвокат В. уже после того как 01 сентября 2023 года посетил Б. в СИЗО и удостоверился, что тот не согласен на осуществление его защиты адвокатом В., в письменном заявлении следователю указал не соответствующий действительности факт осуществления защиты Б.

Совокупность описанных обстоятельств приводит Совет к выводу об умышленном характере совершенных адвокатом В. нарушений норм профессиональной этики адвоката и о направленности этих его действий против воли и вопреки законным интересам Б. На это же указывает и то обстоятельство, что адвокат В. в своих объяснениях в заседании Квалификационной комиссии фактически занял позицию стороны обвинения, утверждая без какой-либо разумной необходимости о том, что Б. и его защитник по соглашению – адвокат Ко. затягивали ознакомление с материалами уголовного дела, а также что Б. злоупотреблял своим правом на защиту, хотя эти доводы никак не объясняют и, тем более, не оправдывают неправомерные и недопустимые действия самого адвоката В.

В силу пп. 1, 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, «адвокат не вправе: действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями

собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне; занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного».

Вопреки этим императивным запретам адвокат В. без согласия доверителя представил следователю ордер, содержащий заведомо недостоверные сведения, а также вступил в уголовное дело в качестве защитника Б. в отсутствие законных оснований и вопреки воле последнего.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в навязывании адвокатом В. своей юридической помощи Б., Совет отмечает, что согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами.

Заявитель Б. в жалобе указал, что адвокат В. явился к нему в СИЗО 22 августа 2023 года и «очень настойчиво начал предлагать» заключить с ним соглашение об оказании юридической помощи. Из материалов дисциплинарного производства также следует, что, участвуя 21 августа 2023 года в качестве назначенного защитника П. в судебном заседании Московского городского суда по рассмотрению ходатайств следователя о продлении срока содержания П., Б. и иных лиц под стражей, адвокат В. был осведомлен о том, что защиту Б. на основании соглашения об оказании юридической помощи осуществляет адвокат Ко., от юридической помощи которого Б. не отказывался. Эту же информацию адвокату В. предоставил и следователь К., сообщивший ему, что в судебное заседание «прибыли защитники обвиняемых по соглашению».

В условиях такой осведомленности, а также учитывая описанные выше обстоятельства оформления Соглашения от 22 августа 2023 года, которое вследствие его фундаментальных пороков не порождало правоотношений по оказанию юридической помощи, неоднократное посещение адвокатом В. содержащегося под стражей Б. было лишено разумных и законных оснований.

В то же время, вопреки утверждениям адвоката В. о том, что он не был «допущен» следователем К. в уголовное дело в качестве защитника Б., Совет отмечает, что следователь своими действиями фактически признал адвоката В. защитником, поскольку выдал ему подлинник разрешения от 23 августа 2023 года на свидание Ба. с Б., содержащего, в том числе, персональные данные Б.

Совет считает явно недостоверными объяснения адвоката В. о том, что данное разрешение было выдано следователем в связи с тем, что 24 августа 2023 года он, представив следователю К. ордер, «попросил его войти в трудное положение Б. и предоставить ему право на телефонные звонки и свидание с родственниками». В действительности же указанное разрешение

на свидание было оформлено следователем 23 августа 2023 года, то есть за день до того, как адвокат В., согласно его объяснениям, явился к следователю с указанной просьбой.

При этом, получив от следователя в отсутствие правовых оснований подлинник указанного разрешения на свидание, адвокат В., согласно его собственным объяснениям, 01 сентября 2023 года попытался передать его Б. при очередном посещении последнего в СИЗО, тогда как сам Б. с такой просьбой к нему не обращался, более того – отказался от получения разрешения на свидание.

Эти обстоятельства в совокупности с установленным и признанным самим адвокатом В. фактом его знакомства со следователем К., по крайней мере, с 21 августа 2023 года в связи с назначением адвоката В. в качестве защитника П. по тому же уголовному делу, приводят Совет к выводу о том, что с целью получения согласия Б. на осуществление его защиты адвокат В. использовал указанное разрешение на свидание в качестве демонстрации наличия у него связей со следователем и реальной возможности улучшить за счет них положение Б.

Хотя указанные действия адвоката В. не привели к получению согласия Б. на оказание ему юридической помощи, Совет признает их навязыванием адвокатом В. своей юридической помощи Б. и недостойным способом привлечения последнего в качестве доверителя.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката В. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении описанных дисциплинарных нарушений – установленной.

Вопреки мнению адвоката В., совершенные им нарушения не объясняются тем, что он «предоставил человеку возможность поговорить с женой впервые за два года», и не могут быть этим оправданы, поскольку им грубо нарушены требования профессиональной этики адвоката, соблюдение которых является обязательным условием реализации конституционной гарантии, предусмотренной ст. 48 Конституции Российской Федерации. Совет констатирует, что достоверно установленные в результате дисциплинарного разбирательства и частично признанные адвокатом В. дисциплинарные нарушения в действительности не являлись проявлением гуманизма с его стороны, поскольку были нацелены на достижение целей, чуждых существу адвокатской профессии. Это, в свою очередь, свидетельствует о неправильном понимании адвокатом В. принципов и правил осуществления профессиональной деятельности.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката В. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный и грубый характер, сопряженный с явным игнорированием адвокатом обязательных профессионально-этических правил вступления в уголовное дело. Установленные нарушения свидетельствуют о недопустимом отношении адвоката В. к исполнению своих профессиональных обязанностей, наносящем вред авторитету

адвокатуры. Вместе с тем, учитывая незначительный опыт профессиональной деятельности адвоката В. и отсутствие у него предыдущих нарушений, Совет предоставляет ему возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату В. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 1, 2 п. 1 ст. 9, ч. 1 ст. 12 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; предмет поручения является существенным условием соглашения об оказании юридической помощи; адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать (защищать) права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне; адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного; участвуя в судопроизводстве адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 2, 3, 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об

оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, протокол № 8) и п. 2.1, 2.5, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что, действуя умышленно, вопреки воле и законным интересам указанного доверителя, он предъявил 24 августа 2023 года следователю по особо важным делам второго следственного отдела управления по расследованию особо важных дел ГСУ СК России К., осуществляющему производство по уголовному делу № ... в отношении Б. и иных лиц, ордер от 24 августа 2023 года СА № ..., выданный Московской городской коллегией адвокатов «Б.», содержащий заведомо для адвоката В. недостоверную информацию о принятии им поручения на осуществление защиты Б. «на стадии предварительного следствия» в ГСУ СК России с 23 августа 2023 года, вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника Б. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту Б., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ);

нарушение положения пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами), выразившееся в навязывании адвокатом В. своей юридической помощи Б. путем демонстрации наличия у адвоката В. личных связей со следователем через предъявление Б. 01 сентября 2023 года в ФКУ СИЗО- УФСИН России по городу Москве полученного адвокатом В. в отсутствие правовых оснований письма следователя по особо важным делам второго следственного отдела управления по расследованию особо важных дел ГСУ СК России К. Начальнику ФКУ СИЗО- УФСИН России по городу Москве Ке. от 23 августа 2023 года № ... о разрешении Ба. свидания со следственно-арестованным Б., содержащимся в ФКУ СИЗО- УФСИН России по городу Москве.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков